

УДК 340.12

Учение о наказании в философии Канта и Гегеля: от справедливости к свободе

Фивейская Людмила Владимировна

Кандидат философских наук,
доцент,
доцент кафедры философии и истории,
Вологодский институт права и экономики ФСИН России,
160002, Российская Федерация, Вологда, ул. Щетинина, 2а;
e-mail: liudfiv@mail.ru

Аннотация

В статье предпринят анализ категории наказания в философско-правовых учениях Канта и Гегеля. Во введении обосновывается методологическое значение философии для понимания сущности права в целом и отдельных его категорий. Основное содержание статьи раскрывает такие аспекты философской теории наказания, как сущность наказания и его цель, а также вопрос обоснования меры наказания. В статье ставится проблема соотношения фундирующих право категорий справедливости и свободы. На примере учения о наказании И. Канта раскрывается связь принципа справедливости как абсолютной основы права и ретрибутивного понимания характера и цели наказания. Диалектика справедливости и свободы в философии права Гегеля позволяет отойти от понимания наказания как воздаяния за совершенное зло. Сравнительный анализ учений о наказании Канта и Гегеля показывает, что эволюция в понимании сущности наказания происходит в направлении движения мысли от идеи карающей справедливости у Канта к понятию свободы как субстанциальной основы права. В статье также рассматриваются философские аспекты вопроса о мере наказания в учениях Канта и Гегеля. В заключении автор ставит вопрос о высшей мере наказания как философской проблеме. Материалы статьи представляют интерес для специалистов в области истории философии и философии права, а также могут быть использованы в образовательном процессе.

Для цитирования в научных исследованиях

Фивейская Л.В. Учение о наказании в философии Канта и Гегеля: от справедливости к свободе // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 6А. С. 67-75.

Ключевые слова

Гегель, Кант, наказание, справедливость, свобода, философия права.

Введение

Учение о наказании прямым образом есть предмет науки права. В свою очередь, становление и развитие научного знания в области права изначально, со времен Конфуция и мыслителей классической античности, вписано в философский контекст. Последние несколько столетий развития философской, мысли, выраженной, прежде всего, в трудах ее западноевропейских представителей, в значительной мере сформировали теоретическую основу современного правосознания. Это генетическое родство философии и права, несмотря на откровенно позитивистский вектор развития наук последнего столетия, объясняет необходимость философского анализа в исследовании, казалось бы, специальных правовых проблем. Учение о наказании всегда составляло проблему для научной мысли, но в новоевропейской философии она приобретает особую остроту. Очевидно, что наказание, даже самое мягкое и незначительное, всегда подразумевает ущемление, а в крайних проявлениях даже полное уничтожение свободы наказуемого. Поскольку же свобода становится в общественном умонастроении Нового времени выражением и мерой достоинства человека, то сам собой ставится вопрос о наказании: как в отношении его правомочности вообще, так и в отношении субъекта наказания, его цели, допустимых пределов, технологий исполнения. Если технология исполнения наказания есть, по преимуществу, вопрос позитивного права и законодательства, то решение других проблем немислимо без опоры на философский дискурс. Важно, что понимание интегративного подхода в учении о праве в целом и о наказании в частности в наши дни осознается профессиональным правовым сообществом. Доктор юридических наук профессор Рагимов И.М. в монографии «Философия преступления и наказания» пишет: «Философия служит научной базой, основой для исследования конкретных проблем других наук, в том числе и правовых. Так, например, понятия возмездия, кары, страдания и т. д. возможно рассматривать только через философию» [Рагимов, 2013, 7]. Фундаментальные идеи о сущности наказания как правового феномена, в значительной мере повлиявшие на формирование правосознания, мы находим в философии права Канта и Гегеля. Компаративный анализ взглядов этих мыслителей на природу наказания позволяет проследить эволюцию трактовки сущности наказания от абстрактного принципа справедливости к осмыслению наказания в контексте развития идеи человеческой свободы.

Кант и Гегель о сущности и цели наказания

Иммануил Кант выступает последовательным сторонником принципа справедливости в философии права вообще, и в учении о наказании, в частности. «В каждом наказании, как таковом, прежде всего должна быть справедливость, она-то и составляет суть этого понятия» [Кант, 1965, Критика..., 357]. Для Канта карательный закон есть категорический императив, а, следовательно, принципы его реализации приобретают в практической философии Канта абсолютный характер. Справедливость поэтому есть единственное и не допускающее исключений основание для наказания. Справедливость требует воздаяния каждому по его деяниям, следовательно, наказание есть необходимый ответ на преступление. Именно в этом смысле Кант говорит о наказании как о возмездии, что дало повод к сближению его учения о наказании с древнейшими представлениями о праве мести и принципом талиона как основанием меры наказания. Так, Аронсон Д.О. в статье «Обоснование правового наказания в философии Канта» отмечает, что «уже со времен Шопенгауэра, позицию Канта нередко рассматривали как

излишне кровожадную и как апологетику бессмысленной мести» [Аронсон, 2013, 50]. Речь у Канта, конечно, не о мести, а о незыблемости конституирующего общества принципа – справедливости, «ведь если исчезнет справедливость, жизнь людей на земле уже не будет иметь никакой ценности» [Кант, 1965, *Метафизика нравов...*, 256]. В вопросе о цели наказания Кант столь же категоричен. Согласно его учению, наказание есть ответ общества на совершенное преступление – и ничего больше. Всякая иная цель, привносимая в наказание, есть, с точки зрения Канта, нарушение категорического императива, а это недопустимо, поскольку разрушает всю общественную систему. Мысль эта выражена у Канта прямо и недвусмысленно: «*Наказание по суду* (poena forensis)... никогда не может быть для самого преступника или для гражданского общества вообще только средством содействия какому-то другому благу: наказание лишь *потому* должно налагать на преступника, *что он совершил преступление*... Он должен быть признан *подлежащим наказанию* до того, как возникнет мысль о том, что из этого наказания можно извлечь пользу для него самого или для его сограждан» [там же]. Ни о каком исправлении преступного лица, смягчении наказания по каким бы то ни было причинам и тем более об амнистии у Канта речь не идет, напротив, «... горе тому, кто в изворотах учения о счастье пытается найти нечто такое, что по соображениям обещанной законом выгоды избавило бы его от кары или хотя бы от какой-то части ее» [там же]. Справедливость карающего закона приобретает абсолютный характер, и наказание ставится Кантом выше принципа общественной целесообразности, обретая чуть ли не божественный характер: «Даже если бы гражданское общество распустило себя по общему согласию всех его членов (например, если бы какой-нибудь населяющий остров народ решил бы разойтись по всему свету), – пишет Кант, – все равно последний находящийся в тюрьме убийца должен был бы быть до этого казнен, чтобы каждый получил то, чего заслуживают его действия» [там же, 258]. Вопрос, однако, состоит в том, как понимать справедливость. Кант еще остается в идущей от Платона и Аристотеля классической метафизической традиции, понимающей справедливость как абстрактный принцип всеобщего блага, распределяющий участников гражданских отношений соответственно их достоинству. При этом сохраняется, хотя терминологически не столь явное, представление о наказании как о необходимом зле, причиняемом обществом возмутителю правопорядка.

Принципиально иное понимание права, а вместе с тем и сущности наказания как правового института становится возможным лишь с появлением диалектического учения Гегеля. Гегель показывает, что рассуждения о наказании как о допустимом зле исходят не только из непонимания правового смысла наказания, но имеют объективное основание в тех реальных формах, которые оно принимало исторически. Наказание в соответствии со своим понятием получает существование лишь в развитом государстве и есть дело суда. Иные, исторически неразвитые, его виды при всем многообразии форм по сути своей есть месть, которая отличается от наказания тем, что исходит из интереса частной личности и есть ее субъективное волеизъявление – произвол, но как таковой сама месть становится новым правонарушением, которое влечет за собой ответную месть и т. д. Только «суд разбирает дело и действует в интересах права как такового, отнимает у его существования его случайность и в особенности превращает это существование, как оно обнаруживается в мести, в *наказание*» [Гегель, 1977, 347]. История научной мысли в постижении правового феномена наказания следует реальной истории общественного духа, в которой месть имеет место как неразвитая форма наказания в неразвитой же системе права. Здесь месть есть обратная сторона преступления, есть зло. Однако

постижение логики предмета ставит право в его развитом понятии выше простого противопоставления добра и зла, а вместе с тем выводит понятие наказания на категориальный уровень свободы и справедливости. Теперь осмысление наказания как допустимой меры зла есть интеллектуальный архаизм.

Справедливость есть то, что хранит право, соответствует праву – это верно. Но *что* есть, по Гегелю, само право? «...Право есть вообще свобода как идея», или «наличное бытие свободной воли» [Гегель, 1990, 89]. Тогда дело справедливости – хранить свободу. В праве, таким образом, свобода и справедливость смыкаются: свобода возвышается над случайностью индивидуального произвола и получает свою разумную необходимость и всеобщность, а справедливость, получив энергию индивидуальной воли, перестает быть лишь принципом абстрактного общего блага и находит действительное воплощение в живом, деятельном общественном духе. Тогда почему именно справедливость, а не свобода составляет суть понятия наказания? Будем методически последовательны и вслед за Гегелем присмотримся к понятию преступления. Преступление всегда есть нарушение права, причем такое, которое, несмотря на внешнюю видимость особенного деяния, есть в действительности тотальное отрицание права. В самом деле, посягая на свободу воли другого лица, выраженную в собственности или в телесно-духовных качествах личности, преступник демонстрирует непризнание всей системы права, поскольку основополагающее «веление права гласит: *будь лицом и уважай других в качестве лиц*» [там же, 98]. Однако, не уважая других в качестве лиц, (отрицая свободу личности) и не признавая всю систему общего взаимопризнания (отрицая справедливость как необходимую форму проявления личной свободы), преступник тем не менее сам выступает как лицо и, следовательно, полагает свою субъективную свободу (произвол) как свое бытийное основание. Тем самым он, не подозревая об этом, попадает в капкан противоречия, разрешение которого возможно лишь через снятие самого преступления и восстановления права. Действительно, совершение преступного деяния есть волеизъявление преступника, а, следовательно, по самому определению воли, есть свобода. Но субъективная свобода может получить объективное существование именно как свобода, вкладывая себя в наличное свободное бытие или полагая такое бытие как свободу. Преступление же отрицает бытие свободы как объективное бытие и тем самым делает преступную свободу лишь видимостью, не обладающую основанием для действительного существования. Отрицание права – преступление – снимается его отрицанием – наказанием, которое в качестве отрицания отрицания есть утверждение права. Важно, что это не простое утверждение, но усиление права, поскольку оно показывает себя как право и для преступника, обнаруживая несостоятельность его, а вместе с тем и любой другой, воли как произвола. Поэтому наказание есть прежде всего не восстановление попорченной свободы (преступление в своей видимости само демонстрирует себя как акт свободы), хотя безусловно и это тоже, но утверждение всеобщности свободы.

Прояснение правовой сущности наказания подводит Гегеля к пониманию его цели. В своей действительности наказание имеет двойную интенцию, и в зависимости от ракурса рассмотрения его цель предстает иначе. Непосредственно наказание направлено на личность преступника, поскольку только в его воле имеет свою положительную основу отрицание права. И, казалось бы, наказание призвано произвести такие изменения в личности преступника, которые уничтожили бы его преступную волю. Однако в действительности это возможно только с уничтожением самого преступного лица, ибо свобода воли составляет существо личности. Прямое воздействие на волю другого человека в принципе есть противное праву насилие,

которое тем более бессмысленно, что воля есть внутреннее человека, по-настоящему подвластное только ему самому. Дело не меняется от того, что органом насилия выступает государство, и ситуация вовсе не складывается подобно тому, как ее представлял себе Руссо, когда писал: «Если кто-либо откажется подчиниться общей воле, то он будет к этому принужден всем Организмом, а это означает не что иное, как то, что его силой принудят быть свободным» [Руссо, 1998, 211]. Наказание, по Гегелю, обращено к преступнику как к разумному, а, следовательно, свободному существу и призвано показать и доказать ему ничтожность и пагубность преступного проявления свободы. Если это называется исправлением преступной личности, то по существу это правильно и, как составляющий момент, входит в целеполагание акта наказания. Вопрос о способах и средствах достижения такой цели здесь особый, ясно одно, что наказание не есть карательная акция, а если оно и оборачивается для преступника как возмездие, то это и для общества, и для самого преступника, и по сути дела должно выступать как порождение самого преступления. «Евмениды спят, – писал Гегель, – но преступление пробуждает их, и таким образом выступает собственное деяние преступника» [Гегель, 1990, 151].

Наказание вместе с тем выступает не только как наказание преступника, но и как наказание преступления, и в этом ракурсе общество, наказывая, одновременно показывает и доказывает всем составляющим его лицам свою правовую природу. Преступление есть необходимый негативный момент развития права как в историческом, так и в логическом аспектах, поскольку развитие вообще возможно лишь через отрицание; столь же необходимо и утверждение права через снятие этой собственной негации в наказании. В этом ракурсе наказание уже не есть некое особое правовое действие, направленное на субъективную личность преступника, но вписано как необходимый момент – отрицание отрицания – в тотальность правового процесса и призвано в качестве такового хранить право в его постоянно возобновляющемся существовании.

Мера наказания как философская проблема

Особую проблему в учении о наказании представляет вопрос о мере наказания: что составляет меру наказания и определяет его в допустимых пределах? Общим местом является ответ – справедливость. Справедливость вообще сообщает наказанию как правовому акту его существенную особенность, в ней всякое наказание, как отрицание преступления и восстановление справедливости, уравнено с другим. Кант, как наиболее последовательный и категорический сторонник принципа справедливости в наказании, так и пишет: «Единственный принцип – это принцип равенства (в положении стрелки на весах справедливости), согласно которому суд склоняется в пользу одной стороны не более, чем в пользу другой... Лишь *право возмездия* (*ius talionis*), если только понимать его как осуществляющееся в рамках правосудия (а не в твоём частном суждении), может точно определить качество и меру наказания» [Кант, *Метафизика...*, 257]. Это, пожалуй, самая уязвимая позиция в учении Канта о наказании, которая не однажды подвергалась критике со стороны его противников. Кант и сам понимает это, делая оговорку, что принцип возмездия – “око за око” – не может быть в ряде случаев применен буквально и требует от правосудия определенной степени гибкости. В одном только случае он настаивает на соблюдении абсолютного равенства: преступник, совершивший убийство, должен умереть. «Здесь нет никакого суррогата для удовлетворения справедливости»

[там же, 258]. Более того, Кант настаивает на применении смертной казни не только к лицам, непосредственно совершившим убийство, но и ко всем, так или иначе способствовавшим этому преступлению: «Итак, сколько есть преступников, совершивших убийство, или приказавших его совершить, или содействовавших ему, столько же должно умереть; этого требует справедливость как идея судебной власти согласно всеобщим, а priori обоснованным законам» [там же, 259-260]. Интересно, что эти строки мы находим в сочинении Канта, датированного 1797-м годом, тогда как в европейской истории именно XVIII век ознаменовался началом глобальной реформы правосудия и пенитенциарной системы, в корне изменившей отношение к преступлению, и обращение с преступником. Если взять общую логику мировой истории, то явно просматривается тенденция смягчения наказания по мере правового развития и укрепления общества. Еще Монтескье, за полвека до Канта, писал: «Строгость в наказаниях более уместна в деспотических государствах, принцип которых – страх, чем в монархиях и республиках, которые имеют своим двигателем честь и добродетель» [Монтескье, 1955, 231]. Сторонником смягчения наказания и последовательным противником смертной казни был также предшественник Канта, известный правовед и общественный деятель Чезаре Беккариа, считавший наиболее действенным средством в борьбе с преступностью не жестокость наказания, а его неотвратимость. «Чем более жестокими становятся наказания, тем более ожесточаются души людей», – пишет Беккариа в своем наиболее известном трактате «О преступлении и наказаниях» [Беккариа, 2011, 124]. Справедливость же наказания он видит не в том, чтобы уравнивать его в количественном отношении с преступлением, а в том, чтобы «зло наказания превышало выгоду, достигаемую преступлением... Все, что свыше этого, является излишним и, следовательно, тираническим» [там же]. Отрицая, в отличие от Канта, смертную казнь, Беккариа апеллирует к принципам «общественного договора», согласно которым, как он считает, право убивать себе безосновательно присвоено государством. «Оно, несомненно, не является тем правом, на котором основаны верховная власть и законы. Они не что иное, как сумма самых малых частиц личной свободы каждого, они представляют общую волю, являющуюся объединением всех отдельных волей. Но кто захотел бы предоставить другим распоряжаться его жизнью?... Следовательно, смертная казнь не может... быть *правом* и не является поэтому таковым» [там же, 125-126]. Кант в довольно резкой форме критикует «маркиза Беккариа», который «из участливой сентиментальности напыщенной гуманности выдвинул... утверждение о неправомерности любой смертной казни на том основании, что такое наказание не могло содержаться в первоначальном гражданском договоре», и квалифицирует его доводы как «софистику и крюкотворство» [Кант, Метафизика нравов..., 260]. Действительно, аргументация просветителей нередко приобретает характер морализаторства, это, однако, не отменяет тот факт, что именно их взгляды определили общий вектор правового процесса вообще и учения о наказании в частности, тогда как идеи Канта в этой области уже для своего времени выглядят как анахронизм.

В философии Гегеля вопрос о мере наказания ставится и решается в контексте его диалектического метода. Когда речь идет о мере, то выступают качественная и количественная стороны наказания, равно как и преступления, как конкретные деяния, определяются и при этом различаются по качеству и количеству. Мера наказания, как вторичного по отношению к преступлению правового акта, коррелятивна степени преступления, т. е. его общественной опасности. Но опасность преступления определяется тем, насколько реально произвол преступной воли угрожает наличному бытию общечеловеческой свободы, насколько

разрушительна такая воля в наличном правовом поле. Тогда мерой наказания является свобода, она же, как абсолютная сущность права, есть его предел. Что касается справедливости, то общего на все времена правила, устанавливающего идеальное соотношение преступления и наказания, нет и быть не может по двум причинам: во-первых, наказание в его особенной форме определяется законом, но закон, как рассудочная форма права, несовершенен всегда и может лишь приближаться к абсолютной сущности права, никогда с ней не совпадая (это противоречие движет развитием законодательной сферы права); во-вторых, сама тяжесть преступления (его общественная опасность) таится не в преступлении как таковом, а в наличном праве и определяется степенью его развитости, соответственно относительной становится и мера наказания. Свобода соразмерна наказанию и определяет его меру. В абсолютном смысле пределом наказания является бытие свободной воли как таковой. Это означает, что в сфере конечного человеческого существования нет таких оснований, которые сделали бы правомерным уничтожение абсолютного в человеке – его свободы, или его разумной воли, пусть даже как в себе сущей. В законодательной сфере этот предел связан с тяжелейшей правовой проблемой применения смертной казни как вида уголовного наказания. Сложность проблемы такова, что даже Гегель признает убийство как правовое основание для казни преступника. Рассматривая принцип талиона как абсолютный анахронизм, понимая правовое возмездие не как количественное и качественное уравнивание преступления и наказания, но лишь как обращение самой формы преступления против себя, Гегель тем не менее пишет: «Если в возмездии вообще невозможно достигнуть специфического равенства, то дело обстоит иначе при совершении убийства, которое неминуемо карается смертью» [Гегель, 1990, 151].

Заключение

Парадоксально, но, провозгласив, как неотъемлемое, право человека на жизнь, правовая мысль Нового времени сохранила единственный рудимент древнего принципа талиона: жизнь за жизнь. Правовой коррелят убийству как преступлению – смерть как наказание. Это представляется справедливым, но как обстоит дело со свободой? Жизнь человека ценна не потому, что она жизнь, животное тоже живо, но потому, что, как утверждает тот же Гегель, признавая человека преступником, общество тем самым признает его как человека, обладающего свободной волей, и не может уже отнестись к нему как к животному. Ценность человеческой жизни в действительности состоит в том, что она – условие осуществления человека как человека, т. е. как разумного свободного существа. Поэтому жизнь человека имеет абсолютную ценность только в правовом поле. Но может ли право санкционировать лишение человека жизни, не разрушая самое себя? Смерть прекращает не только жизнь, но и возможность свободной воли. Но тогда закон, устанавливающий смертную казнь, есть отрицание всеобщности свободной воли, а значит, отрицание субстанции права как такового. Человеческое достоинство больше, чем жизнь, поэтому, оставляя жизнь убийце, общество хранит свою свободу, а не проявляет неуместное здесь милосердие.

Библиография

1. Аронсон Д.О. Обоснование правового наказания в философии Канта // Кантовский сборник. 2013. № 3(45). С. 50-58.
2. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 2011. 184 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М., 1990. 524 с.

4. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Философия духа. М., 1977. Т.3. 471 с.
5. Кант И. Критика практического разума // Соч. в шести томах. М., 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 311-501.
6. Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Соч. в 6-ти тт. М., 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 107-438.
7. Монтескье Ш. О духе законов // Избранные произведения. М., 1955. С. 159-732.
8. Рагимов И.М. Философия преступления и наказания. СПб., 2013. 290 с.
9. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права // Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998. С. 195-322.

The doctrine of punishment in the philosophy of Kant and Hegel: from justice to freedom

Lyudmila V. Fiveiskaya

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Philosophy and History,
Vologda Institute of Law and Economics FSIN of Russia,
160002, 2a Shchetinina st., Vologda, Russian Federation;
e-mail: liudfiv@mail.ru

Abstract

The subject of this article is the doctrine of punishment developed by I. Kant and G. Hegel in their philosophy of law. The purpose of the article is to carry out a comparative analysis of these doctrines, and show in what direction the philosophical ideas about the essence and purpose of punishment evolved. The study is based on the analysis of the classical works of Kant and Hegel, mainly «Critique of Practical Reason» and «Metaphysics of Morals» by I. Kant as well as «Philosophy of Right» by G. Hegel. The main topics of the article are the essence of punishment as a category of law, the purpose of punishment and the philosophical aspects of the measure of punishment. The author considers that the main direction of development of the doctrine of punishment is the transition from the principle of justice (according to Kant) to the principle of freedom (according to Hegel) as the main idea of the theory of law. An important problem of the doctrine of punishment is the issue of the measure of punishment. It directly depends on the decision of the question of the essence of punishment. But in spite all differences between Kant and Hegel, they have a consensus in the question of the capital punishment. In conclusion, the author emphasizes that nowadays this problem remains relevant, and the basis of its solution can only be the principle of human freedom. Current article can be used in course on philosophy of law.

For citation

Fiveiskaya L.V. (2017) *Uchenie o nakazanii v filosofii Kanta i Gegelya: ot spravedlivosti k svobode* [The doctrine of punishment in the philosophy of Kant and Hegel: from justice to freedom]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6 (6A), pp. 67-75.

Keywords

Freedom, justice, Hegel, Kant, philosophy of law, punishment.

References

1. Aronson D.O. (2013) Obosnovanie pravovogo nakazaniya v filosofii Kanta [The Justification of Legal Punishment in Kant's Philosophy]. *Kantovskii Sbornik* [Kant Collection], 3 (45), pp. 50-58.
2. Bekkaria Ch. (2011) *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [On Crimes and Punishments]. Moscow.
3. Hegel G.W.F. (1977) *Entsiklopediya filosofskikh nauk T. 3. Filosofiya dukha* [Encyclopedia of the Philosophical Sciences. Vol. 3. Philosophy of Mind]. Moscow.
4. Hegel G.W.F. (1990) *Filosofiya prava* [Philosophy of Right].
5. Kant I. (1965) Kritika prakticheskogo razuma [Critique of Practical Reason]. In: *Soch. v shesti tomakh*. [Works in 6 Volumes]. Moscow. Vol. 4. Part 1.
6. Kant I. (1965) Metafizika nravov v dvukh chastyakh [Metaphysics of Morals]. In: *Soch. v shesti tomakh*. [Works in 6 Volumes]. Moscow. Vol. 4. Part 2.
7. Montesquieu Ch. (1955) O dukhe zakonov [The Spirit of the Laws]. In: *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow.
8. Ragimov I.M. (2013) *Filosofiya prestupleniya i nakazaniya* [Philosophy of crime and punishment]. St. Petersburg.
9. Rousseau J.-J. (1998) Ob obshchestvennom dogovore, ili principy politicheskogo prava [On the Social Contract, or Principles of Political Law]. In: *Ob obshchestvennom dogovore. Traktaty* [On the Social Contract. Tractates]. Moscow.